
ФИЛОСОФИЯ

УДК 165:575.8

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-579-589

**РАДИКАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО
РЕЛЯТИВИЗМА (АРГУМЕНТ «ЗА»)*****Филатова Мария Игоревна****Курская государственная сельскохозяйственная академия им. И.И. Иванова (Курск)*

В статье вскрываются сложности в определении проблемы релятивизма, выражающей себя через декларируемую его сторонниками готовность отрешиться от вопроса об истине. Поскольку такая готовность в истории философии является беспрецедентной, то признание ее основательности предполагает глубокие изменения основоположений западной философии, примером которых может быть подразумеваемая самим буквальным смыслом понятия «релятивизм» (от лат. *relativus* — относительный) — перемена в соотношении абсолютного и относительного, когда последнее остается само по себе. В статье показано, что, с одной стороны, сомнения в возможности такого изменения укрепляют позиции противников релятивизма, настаивающих, что не может быть относительного вне связи с абсолютным, но, с другой стороны, в современной философии уже обсуждается изменение статуса абсолютного, вследствие которого оно уже не может выполнять свои прежние функции в познании. Так, в спекулятивном реализме К. Мейясу и конструктивном реализме Э. Агацци оказывается востребованным представление о потенциально бесконечной реальности как нетотализируемом трансфинитном, представляющем собой результат переосмысления в современной философии прежних представлений об абсолютном. В статье показано, что такой переменной в статусе абсолютного как раз и обусловлены фиксируемые релятивизмом изменения возможностей познания, когда одни из них утрачиваются (возможность говорить об истине в познании), а другие возникают (предполагаемая релятивизмом возможность высказываний, исключаящих друг друга по закону непротиворечия). Показано, что связанная с потенциальной бесконечностью возможность радикализации проблемы эпистемологического релятивизма предполагается даже теми подходами (например, реляционизмом), на основании которых ее, наоборот, стремятся сгладить или вовсе исключить, но которые оказываются еще более уязвимыми, чем она сама. В заключении указывается на перспективы современной эпистемологии, связанные с антропным космологическим принципом.

Ключевые слова: релятивизм, конструктивный реализм, спекулятивный реализм, реляционизм, нетотализируемое трансфинитное, относительное, абсолютное, антропный принцип.

**RADICALIZATION OF THE PROBLEM OF EPISTEMOLOGICAL
RELATIVISM (ARGUMENT «FOR»)*****Maria I. Philatova****Kursk State Agricultural Academy named after I.I. Ivanov (Kursk)*

The author of the article shows the difficulties in defining the problem of relativism, which expresses itself through the willingness declared by its supporters to abandon the question of truth. Since such readiness is unprecedented in the history of philosophy, the recognition of its solidness implies profound changes in the foundations of Western philosophy. An example of such changes can be the change in the ratio of absolute and relative, implied by the very literal meaning of the concept of «relativism», when the latter remains by itself. On the one hand, the doubt about the possibility of such a change strengthens the position of the opponents of relativism, who

insist that there can be no relative without connection with the absolute. But on the other hand, in modern philosophy, a change in the status of the absolute is already being discussed, as a result of which it can no longer perform its former functions in cognition. Thus, what appears to be an «in-demand» idea in the speculative realism of K. Meyasu and the constructive realism of E. Agazzi is the idea about a potentially infinite reality as non-actualized transfinite, which is the result of a rethinking by modern philosophy of previous ideas about the absolute. The author of the article shows that such a change in the status of the absolute is precisely due to the changes in the possibilities of cognition noted by relativism, when some of them are lost (the possibility of speaking about truth in cognition), and others arise (the possibility of statements assumed by relativism that exclude each other according to the law of non-contradiction). The author shows that the possibility of radicalization of the problem of epistemological relativism associated with potential infinity is assumed even by those approaches (relationism), on the basis of which, on the contrary, philosophers seek to smooth out the problem or exclude it altogether, but which turn out to be even more vulnerable. In conclusion, the author points out the prospects of modern epistemology associated with the anthropic cosmological principle.

Keywords: relativism, constructive realism, speculative realism, relationism, non-actualized transfinite, relative, absolute, anthropic principle.

Релятивизм и скептицизм

Проблема релятивизма является сегодня одной из самых обсуждаемых в современной эпистемологии, но несмотря на это сама ее суть остается далекой от ясности. Существует множество определений релятивизма, при этом ни одно из них не отражает суть этой проблемы, но отражает лишь некоторые ее проявления, сходные с проявлениями других известных в истории философских позиций, таких как диалектика, антиреализм, скептицизм [Черткова Е.Л., 2012, с. 84]. Более того, современный релятивизм нередко прямо отождествляют со скептицизмом. Так, например, считал и Карл Поппер, назвавший релятивизм главной болезнью нашего времени [Поппер К.Р., 1983, с. 379]. В дополнении к работе «Открытое общество и его враги» он писал: «Под релятивизмом или, если вам угодно, скептицизмом я имею в виду концепцию, согласно которой выбор между конкурирующими теориями произволен» [Поппер К.Р., 1992, с. 441]. Но исследователи проблемы релятивизма настаивают, что релятивизм и скептицизм не тождественны, что позволяет выявить специфику релятивизма через отличие от скептицизма. Как настаивает Е.Л. Черткова, «именно в отношении к проблеме истины заключено принципиальное различие между скептиками и релятивистами» [Черткова Е.Л., 2012, с. 95]. Если релятивисты предлагают отрешиться от вопроса об истине, то «для скептиков сомнение и стремление к истине — почти синонимы» [Черткова Е.Л., 2012, с. 97]. Как замечал еще Д. Юм, скептическая философия «подавляет всякую страсть, за исключением любви к истине, а последняя никогда не доводится и не может быть доведена до чрезмерно высокой степени» [Юм Д., 1996, с. 37]. Такая позиция

скептиков по отношению к проблеме истины представляется не только естественной, но и единственно возможной, в рамках которой принцип сомнения и проблема истины сочетаются без противоречия. Как поясняет Е.Л. Черткова, «сомневаться в достигнутом знании можно только имея в виду нечто, к чему можно стремиться... Если истина не является целью познания, то действительно не понятно, в чем можно сомневаться...» [Черткова Е.Л., 2012, с. 98]. Вместе с тем в скептицизме эта цель признается недостижимой. Эпохе как воздержание от суждений означает здесь осознание несоизмеримости человеческих возможностей познания с искомой истиной, признание ее непреодолимой запредельности по отношению к ним. Поэтому, как справедливо замечает Е.Л. Черткова, «предметом “изысканий” или “расследований” скептиков становится не столько само знание, сколько осознание нашего незнания, принимаемого за истинное знание» [Черткова Е.Л., 2012, с. 84]. Как видно, по отношению к истине скептицизм представляет собой апофатическое учение. К такому же выводу приходит и Е.Л. Черткова, которая считает, что «воспользовавшись формулировкой Николая Кузанского, заимствованной им у Филона, можно сказать, что это своего рода позиция “знающего незнания”» [Черткова Е.Л., 2012, с. 84].

И если суть скептицизма более или менее ясна, то суть релятивизма, определяемого через отличие от скептицизма, так и остается непроясненной. Если скептики воздерживаются от суждений не иначе как из любви к истине, то релятивисты считают себя уже полностью свободными от каких-либо обязательств по отношению к ней. По замечанию Е.Л. Чертковой, «если скептик обеспокоен вопросом, можем ли мы познать истину, т.е. мир, каков он есть, то релятивист пред-

лагают отрешиться от этого вопроса и рассматривать познание как инструмент практического согласования конвенциональных убеждений» [Черткова Е.Л., 2012, с. 96]. Однако ни основания, ни мотивы такого шага остаются неизвестными. Исследователи проблемы релятивизма, которые заостряют ее подобным образом, лишь констатируют ее присутствие в современной философии, но ничем это присутствие не оправдывают и не проясняют обстоятельств такого резкого разворота эпистемологического поиска, граничащего с отказом от собственной сути [Черткова Е.Л., 2012, с. 97]. Почему было предложено отрешиться от вопроса об истине? Это принципиальный вопрос. Если это *свободное* решение современного человека, свидетельствующее, что прагматические интересы ему важнее, чем беспристрастный поиск истины, то в этом случае проблему релятивизма следует признать не собственно эпистемологической, а этической проблемой.

Релятивизм как негация абсолютного

Возможен и другой подход к проблеме релятивизма. Поскольку релятивизм дословно означает относительность (от лат. *relativus* — относительный), то нередко исследование проблемы релятивизма начинают с рассмотрения вопроса о том, что такое относительность. Так, В.М. Маслов, определяя специфику релятивизма, выбирает точкой отсчета бинарную оппозицию относительного и абсолютного. В рамках такой оппозиции «абсолютное — нечто безусловное, предел всего, существующее как таковое, тождественное самому себе, самоопределяющееся вне отношения к чему-либо; релятивное/относительное — нечто определяемое через отношение (как часть) к абсолютному» [Маслов В.М., 2018, с. 218]. Такого рода бинарная оппозиция относится к разряду *исходных* для человеческого мышления и обнаруживается даже тогда, когда абсолютное допускается лишь отрицательно, как, например, в античном скептицизме. От принадлежности к данной бинарной оппозиции тем более не может быть свободно относительное, поэтому не может быть никакого другого относительного, кроме того, которое уже известно из данной бинарной оппозиции. Как совершенно справедливо замечает Д.И. Дубровский, «“относительное” не имеет смысла без логической связи с “абсолютным”. “Абсолютизация относительного” — нонсенс» [Дубровский Д.И., 2012, с. 30]. Проблему относительного, поставленную современным релятивизмом, мы не можем рассматривать вне связи с аб-

солютным. Этот аргумент нередко используют с целью смятения проблемы релятивизма (см. [Никифоров А.Л., 2018]). Однако если обратиться к тому, что говорят о судьбе абсолютного неклассическая эпистемология и постмодернизм в целом, то можно заметить, что здесь речь идет именно о некоторой перемене в статусе абсолютного, когда его наличие становится отсутствием (см. сравнительную таблицу Ихаба Хасана) [Парилов О.В., Парилов Д.О., 2012, с. 4]. Применительно к эпистемологии эта перемена выражается в негации классики, в отрицании тех ее положений, на основании которых в ней допускалась возможность абсолютного, как об этом, в частности, говорит Б.И. Пружинин. По его словам, критическая позиция неклассической эпистемологии «сводится лишь к отрицанию — не-фундаментализм, не-наукоцентризм, не-субъектоцентризм» [Пружинин Б.И., 2009, с. 234]. Правда, сам Б.И. Пружинин не считает такую негацию классики окончательной. Ввиду того, что неклассическая эпистемология ничего не может предложить взамен отвергнутым основоположениям классики, Б.И. Пружинин допускает, что они так или иначе все же могут быть восстановлены. В связи с этим он призывает «понять современные течения не как “передовые” прозрения истины, а как проблематизации» [Пружинин Б.И., 2009, с. 244]. По его словам, «нужно искать форму трансформации возможностей познания, а не возводить в норму описания различного рода отклонений от нее» [Пружинин Б.И., 2009, с. 246].

Ожидания, связанные с возможностью такой трансформации, не оправдались, поэтому полезно исследовать и более радикальные представления об отсутствии абсолютного в познании. Прежде всего следует отметить, что именно это отсутствие и подразумевается в проблеме современного эпистемологического релятивизма. Исходя из этого, стоит задаться вопросом, что означает отсутствие абсолютного и как оно становится возможно?

Негация абсолютного в конструктивном реализме и спекулятивном реализме

В современной философии проблема негации абсолютного была поднята в рамках спекулятивного реализма Квентина Мейясу. Для Мейясу негация абсолютного, как ни странно, означает реабилитацию реализма, потесненного кантовским разделением «в себе» и «для нас». При этом Мейясу показывает, какие именно изменения в понимании абсолюта предполагает такая реабилитация реализма. По его словам, «единственный абсо-

лют, который нам удалось спасти в нашем столкновении, может показаться противоположностью того, что обычно понимается под этим термином, то есть основание достоверного знания. Такой абсолют, в итоге, есть не что иное, как крайняя форма хаоса, гипер-Хаос, где нет, или кажется, что нет, ничего невозможного, даже немислимое возможно» [Мейясу К., 2015, с. 91]. Таким образом, тот абсолют, к необходимости которого приходит Мейясу, это *гипер-Хаос*, поддерживаемый принципом неоснования, или не-Все как абсолютизация нетотализируемого трансфинитного (потенциально бесконечного) [Мейясу К., 2015, с. 91, 94, 165].

Мейясу стремится создать фактуальную онтологию, которая не была бы только «негативной онтологией», и выработать богатый концепт контингентности [Мейясу К., 2015, с. 149]. Через постепенное развертывание принципа достаточного основания, Мейясу приходит к выявлению позитивных и отличительных свойств отсутствия основания. Он показывает, в чем состоит точное условие явленной стабильности Хаоса, указание на которое он считает спекулятивным решением проблемы Д. Юма. Задача Мейясу в том, чтобы «представить мир, лишенный всякой физической необходимости, совместимым в то же время с фактом стабильности законов» [Мейясу К., 2015, с. 147]. Логика аргумента к необходимости проста. Согласно ему необходимость законов природы доказана фактом их бесконечно невероятной стабильности. И наоборот, если бы законы природы могли без основания изменяться, было бы невероятно, если бы они не изменялись часто, если не сказать непрестанно [Мейясу К., 2015, с. 145]. На это Мейясу возражает, что «для того, чтобы говорить, что умозаключение [к частотности возможных изменений законов природы] легитимно, надо, чтобы оно было дополнено неопровержимым условием: что *тотальность* представимых возможностей *есть*» [Мейясу К., 2015, с. 151]. Однако, опираясь на теорию множеств Кантора, Мейясу показывает, что такая тотальность как ««величина всех величин»» полагается не как «слишком большая», чтобы быть постигнутой мышлением: она полагается как просто несуществующая» [Мейясу К., 2015, с. 155]. Таким образом, как показывает Мейясу, на месте предполагаемой принципом достаточного основания абсолютной тотальности как «величины всех величин» оказывается нетотализируемое трансфинитное или потенциально бесконечное, фундирующее принцип неоснования. И хотя оно

занимает не предназначенное ему место, однако оно заявляет на него свои права, избобличая «величину всех величин» как несуществующую.

Таким образом, в современной философии можно встретить попытки обоснования необходимости пересмотра понятия абсолюта. Такие попытки связаны с привлечением категории потенциальной бесконечности, которая оказывается производной от отвергаемого понятия «величины всех величин» и возникает в результате его негации. Неизбежность такой негации доказана теорией множеств Кантора, значимость которой, по словам А. Бадью, в том, что «она раскрывает математическую мыслимость детотализации бытия-как-такового» [Badiou A., 1988].

Таким образом, обращение к категории потенциальной бесконечности проливает свет на суть радикальной перемены в статусе абсолютного, когда имплицированные в нем характеристики принимают отрицательное значение (нетотальность, не-основание) и лишают его возможности выполнять свойственные ему функции в познании. В результате этого одни возможности познания утрачиваются, а другие возникают. Так, утрачивается возможность говорить об истине в познании и возникает возможность и необходимость говорить о релятивизме.

Посмотрим, однако, насколько обращение к потенциальной бесконечности востребовано среди других исследователей и действительно ли современные эпистемологические проблемы предполагают его необходимость.

Эвандро Агацци в работе «Научная объективность и ее контексты» пересматривает характерное для классической эпистемологии и единственно приемлемое для здравого смысла представление о том, что познаваемая вещь существует как единое целое. Таким представлением и задается возможность и необходимость разделения на относительное (частичное) и абсолютное познание. Однако такое разделение создает угрозу антиреализма в случае, когда прогрессирующая пролиферация относительного знания обнаруживает все меньше способности согласовывать его между собой, а потому дает все меньше шансов представить его как знание о существовании некоторого целого. Противником антиреализма и считает себя Э. Агацци. Он показывает, как угроза антиреализма нейтрализуется отказом от представления о том, что познаваемая вещь существует как единое, завершённое целое, как некоторая тотальность (от лат. *totalis* — целый, полный). Разделение на относительное и абсолютное, зада-

ваемое таким представлением, у Э. Агацци принимает вид разделения на конечное и потенциально бесконечное, определенное и неопределенное, причем вторая составляющая здесь теряет свою онтологическую значимость.

По Э. Агацци, познаваемая «...вещь есть потенциально бесконечная связка предикатов... вещь может рассматриваться с потенциально бесконечного числа точек зрения и, таким образом, считаться обладающей бесконечным числом свойств» [Агацци Э., 2017, с. 270]. Но наука занимается не вещами, а объектами, которые относятся к вещам так же, как некоторая *определенная* числовая последовательность относится к *неопределенности* потенциально бесконечного числового ряда. Мы считаем любую *конечную* числовую последовательность частью *того же самого* числового ряда, который взятый сам по себе, мы признаем *бесконечным*. По Агацци, «...объект **вырезается** из вещи в результате применения к ней всех базовых предикатов (выделено полужирным мной. — М.Ф.)» [Агацци Э., 2017, с. 215]. Он утверждает, что «любая область объектов, пусть и ограниченная по охвату, может содержать потенциально бесконечное число объектов» [Агацци Э., 2017, с. 127], а также то, что «область референтов, очевидно, не задается, но находится в состоянии постоянного строительства, в том смысле, что это открытое и потенциально бесконечное множество» [Агацци Э., 2017, с. 215].

Однако Э. Агацци не вполне последователен в пересмотре онтологического статуса познаваемой реальности (вещи). Он не отказывается *явно* от признания независимого существования вещи в качестве самостоятельного начала, хотя такое признание по меньшей мере проблематизирует все те плюсы от обращения к потенциальной бесконечности, на которые и опирается Э. Агацци в своей борьбе с антиреализмом. Когда он утверждает, что «каждое независимо существующее обладает возможностью образовать не только новую разновидность объектов, но и неограниченное количество разновидностей» [Агацци Э., 2017, с. 130–131], не может не возникнуть вопрос, как соотносятся между собой такое независимо существующее и сами образуемые им объекты. Здесь или имеет место тот самый онтологический дуализм (между поверхностью и сердцевиной реальности) [Агацци Э., 2017, с. 56], который стремится устранить Э. Агацци, или вопрос о соотношении этих двух «реальностей» необходимо прояснить. Однако Э. Агацци не только не дает этому вопросу разъяснения, но и некоторыми своими

высказываниями вовсе исключает его: «Объекты суть **часть** реальности (та часть, которая “объективирована” посредством операций), а не нечто такое “за” которым или “под” которым скрыта реальность, как в случае кантовских ноуменов. То, что не вошло в некоторую объектификацию, — отнюдь не нечто непознаваемое, а просто то, что не было учтено в данной объектификации, но может войти в какую-то дальнейшую объектификацию (выделено полужирным мной. — М.Ф.)» [Агацци Э., 2017, с. 146]. Это утверждение дает понять, что в данном случае Э. Агацци понимает реальность («в себе») потенциально бесконечной по образу потенциально бесконечного числового ряда, указывая на его неопределенность (нетотальность), и избегая вопроса о том, что он есть сам по себе и может ли он вообще таковым быть. Несмотря на то, что представление о потенциально бесконечной реальности занимает центральное место в конструктивном реализме Э. Агацци, он избегает говорить о нем прямо, усматривая его как бы периферийным зрением. Такого рода недоговоренность объясняется слабостью разработанностью нового для философии представления об абсолюте как о потенциальной бесконечности, что отражается на связанной с данным представлением проблеме современного эпистемологического релятивизма, которая вне четкой экспликации данного представления продолжает оставаться малопонятной. Вместе с тем нетрудно показать, что суть затруднений, производимых проблемой эпистемологического релятивизма, вызвана как раз недостаточным вниманием к связанным с потенциальной бесконечностью возможностям изменения абсолютного. Ниже будут рассмотрены эти затруднения и показаны возможности потенциальной бесконечности открыть перспективу их преодоления.

Негация абсолютного как потенциальная бесконечность

Нарушение закона непротиворечия возможно в рамках эпистемологического релятивизма. Г.Д. Левин подчеркивает, что в случае релятивизма речь идет именно «о высказываниях, исключающих друг друга по закону противоречия», и что «этот факт иногда пытаются “заговорить”, но без его строгой констатации дальнейшее обсуждение релятивизма не имеет смысла» [Левин Г.Д., 2012, с. 41]. Но возникает вопрос, при каких обстоятельствах об одном и том же предмете/явлении могут быть высказаны разные суждения, тогда как возможность таких высказы-

ваний была пресечена еще Аристотелем в связи с законом непротиворечия. Но если релятивизм есть простое нарушение закона непротиворечия, то стоит ли вообще говорить о нем как об отдельной проблеме? Однако о релятивизме говорят, и поводом к этому становится стремление разоблачить мнимую ситуацию противоречия, чтобы таким образом представить релятивизм псевдопроблемой.

Критики релятивизма стремятся показать, что высказываемые *об одном и том же* противоположные суждения на самом деле относятся к *разным* его сторонам и отношениям, и на этом основании делается заключение, что никакого релятивизма в таких случаях нет, а есть релятивность. Приведем высказывание Е.А. Мамчур на этот счет: «Существование различных уровней организации материи и различных теорий, каждая из которых описывает один из уровней (мир малых скоростей и макротел описывается классической механикой; мир больших скоростей — теорией относительности; микромир — квантовой теорией) отнюдь не ведет к релятивизму и не является основанием для него. Повторяем, о релятивизме можно было бы говорить, если бы по поводу *каждого* из этих уровней реальности были бы сформулированы *различные* теории, и все эти теории полагались бы *равноценными*» [Мамчур Е.А., 2004, с. 17].

Как было сказано выше, релятивизм становится псевдопроблемой в случае, когда разные суждения, высказываемые якобы *об одном и том же*, на самом деле относятся к *разным* сторонам исследуемой реальности. Однако вопрос об этой реальности выносится за пределы исследования, где она *по умолчанию* и полагается существующей как таковая и тождественной самой себе. Поскольку когда мы говорим о сторонах одной и той же реальности, мы по умолчанию предполагаем, что это стороны именно *чего-то*, т.е. того, что существует как таковое и, соответственно, может быть одним и тем же, несмотря на наличие содержащегося в нем многообразия сторон, частей, слоев, аспектов и т.д. То, что разные стороны не есть сами по себе стороны, а именно стороны *чего-то*, и части не даны сами по себе, а только как части чего-то целого, — это в европейской философии является аксиомой, в силу чего полное раскрытие этого обстоятельства не требуется.

Если реальность имеет те стороны, о которых известно современной физике, то мы вправе были бы задаться вопросом о том, что она представляет собой как целое в единстве этих сторон, и можем

ли мы быть уверены, что сторон у реальности ровно столько, сколько их известно современной физике? Если допустить, что количество сторон — это открытое и потенциально бесконечное множество, то в этом случае необходимо поставить вопрос о том, каким образом из них может составиться нечто целое. По словам Е. Вигнера, развитие научного знания связано «с углублением еще на один слой в “тайны природы”» [Вигнер Е., 1971, с. 174]. Открытие нового слоя происходит всякий раз, когда устраняется расхождение существующих представлений теоретической физики с опытом. «Релятивистская квантовая теория расположена по крайней мере в четвертом по глубине слое и оперирует понятиями всех трех предшествующих слоев, известных своей неадекватностью и замененных на четвертой ступени познания более глубокими понятиями» [Вигнер Е., 1971, с. 174]. Е. Вигнер убежден, что данный процесс введения в физику все более и более глубоких понятий «не завершается открытием окончательных, абсолютных понятий» [Вигнер Е., 1971, с. 175]. Будущее фундаментальной физики он видит следующим образом образом: «Признание неадекватности понятий десятого слоя и замена их более тонкими понятиями одиннадцатого слоя будет гораздо менее важным событием, чем открытие теории относительности, но для того, чтобы найти корень зла, нам придется провести более трудоемкие и продолжительные исследования, чем некогда понадобившиеся для оценки тех противоречий с опытом, которые исключала теория относительности... Возможно также, что... нам никогда не удастся решить, адекватны ли “в принципе” понятия десятого слоя, пригодны ли они для полного описания неодушевленного мира. Отсутствие интереса в сочетании со слабостью человеческого разума может легко привести к тому, что решение вопроса о полной адекватности понятий n-го слоя будет откладываться на неопределенный срок» [Вигнер Е., 1971, с. 174–175].

Соображение Е. Вигнера о том, что недостаточность продолжительности человеческой жизни для того, чтобы освоить накопленное знание и суметь сделать шаг вперед, рано или поздно приведет к ослаблению интереса к фундаментальным исследованиям, должно не столько огорчать ревнителей фундаментальной науки несоответствием между ее перспективами и возможностями человека, сколько разочаровывать в самих этих перспективах. Ведь «вперед» в данном случае не означает в направлении к цели пусть даже и недо-

стижимой, которой могла бы быть возможность познания *всей* реальности как она *есть*. Чтобы иметь такую цель, необходимо иметь возможность отсылки к абсолютному, как это было в классической теории познания (относительная и абсолютная истины). Е. Вигнер дает понять, что тенденции развития современного физического знания уже не оставляют этому места. Таким образом, стремление нейтрализовать проблему релятивизма как проблему возможности разных высказываний об одном и том же за счет вычленения в нем разных уровней, сторон, фрагментов и т.д. не исключает обратного эффекта радикализации этой проблемы. Такой эффект возникает в случае признания количества этих уровней, сторон, фрагментов и т.д. открытым и потенциально бесконечным множеством, о котором нельзя говорить как о целом. Соответственно, в случае такого рода распада целого предполагаемая релятивизмом возможность разных высказываний о нем уже не пресекается законом непротиворечия и, соответственно, делает релятивизм действительной проблемой, заслуживающей серьезного обсуждения.

Эпистемологический релятивизм в свете проблемы актуальной бесконечности: от нейтрализации эпистемологического релятивизма к его радикализации

Предпринимаемые в эпистемологии попытки смягчить проблему релятивизма или вовсе уйти от нее не исчерпаны. Еще одна попытка такого рода становится возможна на базе реляционизма. Реляционизм дает возможность нейтрализовать сам повод к возникновению проблемы релятивизма, а именно вопрос о самих вещах, по отношению к которым могли бы быть высказаны разные суждения, исключаящие друг друга по закону непротиворечия. Реляционизм стремится заведомо взять вопрос о самих вещах в скобки и ограничиться рассмотрением отношений между вещами. Посмотрим, однако, насколько такое намерение состоятельно.

В соответствии с представлениями реляционизма считается, что «все наше знание... охватывает только связи и отношения (*Beziehungen und Verhältnisse*) вещей, а не вещи и их свойства» [Eisler R., 1913, S. 557], что «отношениями являются все объекты науки» [Серрюс Ш., 1948, с. 184], «отношения вещей есть вещество науки» [Eisler R., 1929, S. 684]. Однако возможность уйти от вопроса о самих вещах и, соответственно, от проблемы релятивизма, приводит к другой — к

проблеме агностицизма. Ведь если любое знание сводится к знанию отношений между вещами, то внутреннее содержание самих вещей, а также их свойства, остаются непознаваемыми. Вместе с тем, как подсказывает Г.Д. Левин, в этом случае проблема агностицизма нейтрализуется за счет того, что «исследуя отношения между вещами, частями этих вещей и частями этих частей мы движемся к первоэлементам этого мира, а отражая отношения между вещами, ансамблями этих вещей, ансамблями этих ансамблей и т.д. — к миру в целом» [Левин Г.Д., 2012, с. 57]. Однако в перспективе такого рода минимума и максимума мира чистота реляционизма утрачивается, т.к. в этом случае вопрос о самих вещах не исключается, а лишь отодвигается к этим пределам, и к нему можно и нужно вновь вернуться. Но только сейчас этот вопрос предстает в свете проблемы актуальной бесконечности¹, к которой вели все разрабатываемые в истории философии учения о первоэлементах этого мира и о мире в целом. Поворотный момент в отношении западной философии к проблеме актуальной бесконечности связан с именем Николая Кузанского, впервые сделавшего ее предметом рационального дискурса. Но и в этом случае, называя соответствующий труд «Об ученом незнании», Н. Кузанский дает понять, сколь сложные отношения с разумом отражаются в обсуждаемом им здесь вопросе. Н. Кузанский показывает, что понятия абсолютного максимума и абсолютного минимума как абсолютные пределы отличаются от того, что может быть больше или меньше. По Н. Кузанскому, они существуют вне мира, а потому возможность перехода (или по меньшей мере приближения) к ним со стороны того, что может быть больше или меньше, представляет собой проблему: «Максимум и минимум берутся в этой книжке как трансцендентные пределы с абсолютной значимостью... Чего не может быть ни больше, ни меньше, того нельзя именовать, потому что имена приписываются движением рассудка только вещам, в том или ином соотношении допускающим превышаемое и превышающее» [Кузанский Н., 2011, с. 15–16].

О том, что все, что есть в мире, может быть больше или меньше, чем оно есть, говорил еще Зенон. Именно Зенон впервые ввел понятие величины как отвлеченного представления о чув-

¹ Если потенциально бесконечное является отрицанием конечного только потому, что оно может превзойти любое конечное, то актуально бесконечное *уже* актуально превосходит любое конечное.

ственно воспринимаемом существовании телесно протяженного бытия. Оно сохранилось у Аристотеля². По этому определению, величина *всегда* (до бесконечности) делима. Соответственно, допущение возможности существования неделимого (атома от греч. ἄτομος — неделимый) среди делимого равносильно допущению какого-то другого существования помимо чувственно воспринимаемого существования телесно протяженного бытия. Если древние атомисты (Демокрит) могли просто постулировать существование атомов, то последующей критической рефлексией возможность такого существования была проблематизирована. Стоит напомнить, что возрождение физического атомизма произошло только в XVI в. из-за востребованности у медиков, а не у философов, и что химия стала той областью знания, которая внесла в это событие решающий вклад и отметила его своей спецификой. Как пишет об этом В.П. Зубов, «представление об элементах как простейших неделимых далее атомах, все более оттеснялось на второй, так сказать “умозрительный”, далекий план и на первое место становилось представление о практически неразложимых веществах, иногда именовавшихся “началами”» [Зубов В.П., 1965, с. 305]. Эти процессы были обусловлены осознанной к этому времени невозможностью умозрительного решения вопроса о существовании неделимых, в рамках которого, однако, он только и мог бы быть разрешен. Что касается его практической стороны, то она позволяла говорить о существовании неделимых только *условно*. Из того, что ученые того времени довольствовались ею, можно судить, в какой тупик зашли тогда теоретические дискуссии о существовании неделимых. Таким образом, насколько бы перспективы отодвинуть вопрос о самих вещах, представив его в свете проблемы бесконечности, не благоприятствовали намерению подменить релятивизм реляционизмом, именно проблема бесконечности вновь делает релятивизм актуальным.

² «В самом деле, если что-нибудь, поскольку оно прибавляется [к какой-либо вещи] или отнимается от [неё], не делает [эту вещь] [в первом случае] больше или [во втором] меньше, тогда, по словам Зенона, оно не принадлежит к числу существующего, существующее, очевидно, понимается как величина и постольку — как величина телесная: ведь именно такая величина обладает бытием в полной мере; а все другие, если их прибавлять известным образом, произведут увеличение, а если иначе — то никакого; так будет, например с плоскостью и линией, а точка и единица не создадут его ни при каких обстоятельствах» (Arist. *Metaph.* B4. 1001, в8-в14).

Антропный космологический принцип и перспективы современной эпистемологии

Рассмотрение проблемы релятивизма было бы неполным без указания на современные альтернативы утраченного эпистемологией центрирующего фактора. Таковым сегодня признается антропный космологический принцип (АКП), который привлекает к себе все больше внимания со стороны исследователей. Согласно сильному АКП: «Вселенная (и, следовательно, фундаментальные постоянные, от которых она зависит) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей» [Картер Б., 1978, с. 372]. Основное значение антропной аргументации было сформулировано Б. Картером в 1973 г. Данная аргументация была направлена против «принципа Коперника», согласно которому человек не занимал никакого привилегированного места во Вселенной. Как известно, программа построения новоевропейской науки предполагала, что фундаментальные свойства мира должны быть инвариантны относительно системы отсчета и тем более относительно наблюдателя. Однако Б. Картер настаивает на том, что положение человека «неизбежно в некотором смысле привилегированно» [Картер Б., 1978, с. 370]. Характерно, что Б. Картер перефразировал Декарта («*Cogito ergo mundus talis est*», что означает «Я мыслю, следовательно, мир таков»), который пытался обосновать возможность связи идеи «Я» как конечности и несовершенства и идеи Бога как бесконечности и совершенства (т.е. связи относительного и абсолютного). Но в рассуждениях Декарта можно заметить частое смешение совершенного и несовершенного. Как замечает по этому поводу Е.В. Малышкин, «идея бесконечности дана наиболее начальным образом, она есть идея в высшей степени ясная и отчетливая, такая, которая должна бы предшествовать идее *cogito me cogitare*, но по каким-то обстоятельствам следует за ней» [Малышкин Е.В., 2011, с. 141]. Таким образом, оригинал перефразированного Б. Картером высказывания Декарта уже содержал в себе перспективу для подобного перефразиса. Как замечает в связи с этим А.Н. Павленко, «в антропном космологическом принципе неявно содержится антропный исторический принцип, накладывающий ограничения на человеческую историю, предполагая ее протекание в строго определенном направлении...» [Павленко А.Н., 1997, с. 215–216]. «Это означает, что не только физическая Вселенная должна быть Вселенной определенного типа, т.е. совместимой,

пользуясь терминологией Дикке, с “существованием физиков”... но и человеческая история — эволюция человеческой (уже — европейской) рациональности — должна была допустить существование такого и только такого пути, который бы привел к появлению типа рациональности, в рамках которого АКП является осмысленным» [Павленко А.Н., 1997, с. 215].

АКП наследует, преломляя по-своему, положенную в основание новоевропейского естествознания проблематику абсолютного. Эта проблематика может по-новому заявить о себе ввиду связанных с АКП перспектив единства гуманитарных и естественных наук³. Разделяя одни и другие, основатели новоевропейского естествознания как бы выносили за скобки вопрос о человеке, по умолчанию предполагая его решенным. Характерно, что в классической эпистемологии допускалось, что наблюдатель видит мир с точки зрения «ниоткуда». На сегодняшний день, когда негативные последствия такого допущения заявили о себе в виде кризиса классической эпистемологии, вопрос о человеке действительно должен стать решающим для науки вопросом.

Заключение

Представления о потенциально бесконечной реальности открывают возможность представления проблемы эпистемологического релятивизма в русле ее радикализации. Было показано, что обращение к потенциальной бесконечности востребовано среди исследователей, и современные эпистемологические проблемы действительно предполагают его необходимость. Бесконечная реальность является открытым потенциально бесконечным образованием, по отношению к которому предполагаемая релятивизмом возможность разных высказываний уже не пресекается законом непротиворечия, что делает релятивизм действительной проблемой, заслуживающей серьезного обсуждения. На примере концепции конструктивного реализма Э. Агацци было показано, что именно на основе представления о потенциально бесконечной реальности исключается (а не отодвигается) вопрос о познаваемых вещах как отличных от аспектов, фрагментов, сторон и т.д.

³ По словам В.В. Казютинского, «то обстоятельство, что возникшая в естествознании столь необычная и неоднозначная идея быстро проникла в сферу общенаучной (в том числе гуманитарной) культуры, не случайно: в этом отражаются комплексные, синтетические ориентации современной науки» [Казютинский В.В., Балашов Ю.В., 1989, с. 32].

самой (потенциально бесконечной) познаваемой реальности, явленных познанию через те или иные его отношения с ней. И соответственно, вопрос о познаваемых вещах больше не может давать повод для обвинений в агностицизме и дискредитировать данную концепцию в качестве познавательной установки, как это можно было видеть в случае реляционизма. Как видно, реляционизм, призванный смягчить и вытеснить малопроблемную проблему релятивизма, оказывается даже более уязвимым, чем сам релятивизм.

Таким образом, востребованное в современной эпистемологии представление о потенциально бесконечной реальности (о детотализации бытия-как-такового) оправдывает радикализацию проблемы эпистемологического релятивизма и открывает перспективы ее исследования в этом направлении.

Список литературы

- Агацци Э.* Научная объективность и ее контексты / пер. с англ. Д.Г. Лахути; под ред. В.А. Лекторского. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 688 с.
- Вигнер Е.* Этюды о симметрии / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Мир, 1971. 318 с.
- Дубровский Д.И.* Многоликий «релятивизм» (о необходимости его концептуального обоснования в общефилософском плане) // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Ин-т философии РАН, 2012. С. 29–39.
- Зубов В.П.* Развитие атомистических представлений до начала XIX века. М.: Наука, 1965. 372 с.
- Казютинский В.В., Балашов Ю.В.* Антропный принцип: история и современность // Природа. 1989. №. 1. С. 23–32.
- Картер Б.* Совпадение Больших Чисел и антропологический принцип в космологии // Космология: теория, наблюдения / под ред. Я.Б. Зельдовича, И.Д. Новикова. М.: Мир, 1978. С. 369–380.
- Кузанский Н.* Об ученом незнании. М.: Академ. проект, 2011. 160 с.
- Левин Г.Д.* Релятивизм и реляционизм (к истории проблемы) // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2012. С. 40–60.
- Мальшикин Е.В.* Две метафоры памяти. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2011. 246 с.
- Мамчур Е.А.* Объективность науки и релятивизм: (к дискуссиям в современной эпистемологии). М.: ИФ РАН, 2004. 242 с.
- Маслов В.М.* Эпистемологический релятивизм в эпоху рисков и ответственности // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии. Н. Новгород:

Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018.

С. 217–222.

Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.

Никифоров А.Л. Абсолютное в релятивном // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 213–216.

Павленко А.Н. Антропный принцип: истоки и следствия в европейской научной рациональности // Философско-религиозные истоки науки / отв. ред. П.П. Гайдено. М.: Мартис, 1997. С. 178–218.

Парилов О.В., Парилов Д.О. Постмодернизм как мировоззренческая установка. Н. Новгород: Нижегород. прав. акад., 2012. 99 с.

Попнер К.Р. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.

Попнер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.

Пружинин Б.И. Неклассическая эпистемология: взгляд из классики // Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2009. С. 230–248.

Серрюс Ш. Опыт исследования значения логики / пер. с фр. В.Ф. Асмуса. М.: Гос. изд-во иностр. лит-ры, 1948. 228 с.

Черткова Е.Л. Проблема ценности истины в скептицизме и релятивизме // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Ин-т философии РАН, 2012. С. 80–102.

Юм Д. Исследование о человеческом разумении // Юм Д. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 3–144.

Badiou A. L'etre et l'evenement. Paris: Du Seuil, 1988. 576 p.

Eisler R. Handwörterbuch der Philosophie. Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1913. 801 S.

Eisler R. Wörterbuch der Philosophischen Begriffen. Bd. 2. Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1929. 724 S.

Получена: 21.09.2022. Доработана после рецензирования: 11.11.2022. Принята к публикации: 15.11.2022

References

Agazzi, E. (2017). *Nauchnaja ob'ektivnost' i ee konteksty* [Scientific objectivity and its contexts]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 688 p.

Badiou, A. (1988). *L'etre et l'evenement* [Being and event]. Paris: Du Seuil Publ., 576 p.

Chertkova, E.L. (2012). *Problema tsennosti istiny v skeptitsizme i relyativizme* [The problem of the value of

truth in skepticism and relativism]. *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskij analiz, otv. red. V.A. Lektorskiy* [V.A. Lektorskiy (ed.) Relativism, pluralism, criticism: epistemological analysis]. Moscow: IPh RAS Publ., pp. 80–102.

Dubrovskiy, D.I. (2012). *Mnogolikiy «relyativizm» (o neobkhodimosti ego kontseptual'nogo obosnovaniya v obschefilosofskom plane)* [Multifaceted «relativism» (on the need for its conceptual justification in the general philosophical plan)]. *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskij analiz, otv. red. V.A. Lektorskiy* [V.A. Lektorskiy (ed.) Relativism, pluralism, criticism: epistemological analysis]. Moscow: IPh RAS Publ., pp. 29–39.

Eisler, R. (1913). *Handwörterbuch der Philosophie* [Handbook of philosophy]. Berlin: E.S. Mittler & Sohn Publ., 801 p.

Eisler, R. (1929). *Wörterbuch der Philosophischen Begriffen. Bd. 2* [Dictionary of philosophical terms. Vol. 2]. Berlin: E.S. Mittler & Sohn Publ., 724 p.

Hume, D. (1996). [Research on human understanding]. Yum D. *Sochineniya: v 2 t.* [Hume D. Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 3–144.

Karter, B. (1979). [The coincidence of Large Numbers and the anthropological principle in cosmology]. *Kosmologiya: teoriya, nablyudeniya, pod red. Ya.B. Zel'dovicha, I.D. Novikova* [Ya.B. Zeldovich, I.D. Novikov (eds.) Cosmology: theory, observations]. Moscow: Mir Publ., pp. 369–380.

Kazyutinskiy, V.V. and Balashov, Yu.V. (1989). [The anthropic principle: history and modernity]. *Priroda* [Nature]. No. 1, pp. 23–32.

Levin, G.D. (2012). [Relativism and relationism (on the history of the problem)]. *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskij analiz, otv. red. V.A. Lektorskiy* [V.A. Lektorskiy (ed.) Relativism, pluralism, criticism: epistemological analysis]. Moscow: IPh RAS Publ., pp. 40–60.

Malyshkin, E.V. (2011). *Dve metafory pamyati* [Two metaphors of memory]. St. Petersburg: SPbSU Publ., 246 p.

Mamchur, E.A. (2004). *Ob'ektivnost' nauki i relyativizm: (k diskussiyam v sovremennoy epistemologii)* [Objectivity of science and relativism: (to discussions in modern epistemology)]. Moscow: IPh RAS Publ., 242 p.

Maslov, V.M. (2018). [Epistemological relativism in the era of risks and responsibility]. *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii* [Epistemology today. Ideas, problems, discussions]. Nizhny Novgorod: UNN Publ., pp. 217–222.

Meillassoux, Q. (2015). *Posle konechnosti: esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After finiteness: an essay on the necessity of contingency]. Yekaterinburg, Moscow: Kabinetnyy Uchenyy Publ., 196 p.

Nicholas of Cusa (2011). *Ob uchenom neznanii* [On learned ignorance]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 160 p.

Nikiforov, A.L. (2018). [Absolute in the relative]. *Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii* [Epistemology today. Ideas, problems, discussions]. Nizhny Novgorod: UNN Publ., pp. 213–216.

Parilov, O.V. and Parilov, D.O. (2012). *Postmodernizm kak mirovozzrencheskaya ustanovka* [Postmodernism as a worldview]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of Law Publ., 99 p.

Pavlenko, A.N. (1997). [The anthropic principle: origins and consequences in European scientific rationality]. *Filosofsko-religioznye istoki nauki, otv. red. P.P. Gaydenko* [P.P. Gaydenko (ed.) Philosophical and religious origins of science]. Moscow: Martis Publ., pp. 178–218.

Popper, K. (1983). *Logika i rost nauchnogo znaniya* [The growth of scientific knowledge]. Moscow: Progress Publ., 605 p.

Popper, K. (1992). *Otkrytoe obschestvo i ego vragi. T. 2: Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly* [Open society and its enemies. Vol. 2: The time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles]. Mos-

cow: Feniks Publ., International Fund «Kul'turnaya iniciativa» Publ., 528 p.

Pruzhinin, B.I. (2009). *Neklassicheskaya epistemologiya: vzglyad iz klassiki* [Non-classical epistemology: a look from the classics]. *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura, otv. red. L.P. Kiyashchenko, V.S. Stepin* [L.P. Kiyashchenko, V.S. Stepin (eds.) Postnonclassics: philosophy, science, culture]. St. Petersburg: Mir Publ., pp. 230–248.

Serrus, C. (1948). *Opyt issledovaniya znacheniya logiki* [Experience in the study of the meaning of logic]. Moscow: Foreign Languages Publ., 228 p.

Wigner, E. (1971). *Etyudy o simmetrii* [Symmetries and reflections: Scientific essays]. Moscow: Mir Publ., 318 p.

Zubov, V.P. (1965). *Razvitie atomisticheskikh predstavleniy do nachala XIX veka* [The development of atomistic ideas before the beginning of the 19th century]. Moscow: Nauka Publ., 372 p.

Received: 21.09.2022. Revised: 11.11.2022. Accepted: 15.11.2022

Об авторе

Филатова Мария Игоревна

кандидат философских наук,
преподаватель кафедры философии

Курская государственная сельскохозяйственная академия им. И.И. Иванова,
305021, Курск, К. Маркса, 70;
e-mail: m.philatova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8032-3816>
ResearcherID: GSD-6962-2022

About the author

Maria I. Philatova

Candidate of Philosophy, Lecturer
of the Department of Philosophy

Kursk State Agricultural Academy
named after I.I. Ivanov,
70, K. Marx st., Kursk, 305021, Russia;
e-mail: m.philatova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8032-3816>
ResearcherID: GSD-6962-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Филатова М.И. Радикализация проблемы эпистемологического релятивизма (аргумент «за») // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 4. С. 579–589.
DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-579-589

For citation:

Philatova M.I. [Radicalization of the problem of epistemological relativism (argument «for»)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 4, pp. 579–589 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-4-579-589